

**ФОРМЫ СИМВОЛИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В КУЛЬТУРАХ РАННЕГО ЭТАПА ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА СИБИРИ
В КОНТЕКСТЕ ДИСКУССИИ О КОМПЛЕКСЕ СОВРЕМЕННОГО ПОВЕДЕНИЯ
(МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ УЧЕБНОГО КУРСА)***

Происхождение и природа комплекса поведения человека современного физического типа является одной из важных и дискутируемых тем в эволюционных исследованиях. В статье предложены материалы местонахождений начальной стадии верхнего палеолита Сибири, свидетельствующие о различных формах символической деятельности. В целом артефакты демонстрируют наличие развитого в технологическом и типологическом отношении древнейшего комплекса предметов с устоявшейся системой изготовления и обработки, выраженного в стилистически выдержанных сериях изделий. Сибирские материалы корректно вписываются в стадиальный и территориальный контексты, а в рамках дискуссии о комплексе современного поведения свидетельствуют о его становлении в Северной Азии не позднее, чем на территории Европы.

Ключевые слова: Сибирь, верхний палеолит, человек современного физического типа, символическая деятельность, культура, поведенческий комплекс.

В современных эволюционных исследованиях человека в последнее время важное место занимает проблематика происхождения и природы комплекса современного поведения. В существующих научных концепциях все больше подчеркивается значение региональных данных, предполагающих методологическое определение поведенческих стратегий на археологических материалах и разнообразное выражение комплекса поведения человека в эпоху палеолита. Проблема происхождения современного поведенческого комплекса возникла в ходе дискуссии о причинах перехода от среднего к верхнему палеолиту и выделении особого «списка черт», который характеризует ту или иную культуру как верхнепалеолитическую. В рамках дискуссии П. Мелларсом был предложен список технологических и культурных особенностей, свидетельствующий, по его мнению,

о наличии комплекса современного поведения [Mellars, 2005. P. 13; Clark, 2009. P. 20; Klein, 2000; Вишняцкий, 2005]. Концепция «списка» основывалась как на восприятии эталонных, имевшихся на начало XX в., материалов верхнего палеолита Европы, так и на попытке связать технологические и культурные изменения в европейском верхнем палеолите с появлением в Европе анатомически современных людей (50–40 тыс. л. н.), обладающих более совершенными когнитивными способностями, чем неандертальцы.

За последнее время накоплено большое количество данных, достаточно аргументированно показывающих, что так называемый комплекс современного поведения – явление куда более сложное, чем доминировавший на протяжении последних двадцати лет подход в рамках концепции «списка черт». Переход к верхнему палеолиту и но-

* Работа выполнена при финансовой поддержке малых грантов Международной ассоциации гуманитариев, программы ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (2012-1.2.1-12-000-3004-015).

вым поведенческим стратегиям происходил на разных территориях и с различной динамикой. Данные, которыми располагали специалисты на материалах Африки, свидетельствуют о наличии на ее территории пластинчатых индустрий, а также о символическом поведении уже в среднем палеолите на примере индустрий Стиллбэй и Ховьесон Порт [McBrearty, Brooks, 2000. P. 531]. Обращает на себя внимание тот факт, что на территории Африки появление черт современного поведенческого комплекса носило не однонаправленный характер – наличие верхнепалеолитических черт в индустриях Стиллбэй сменилось их практическим отсутствием в комплексах позднего этапа среднего палеолита [Вишняцкий, 2006. С. 10]. Известно, что на территории Австралии свидетельства символизма и верхнепалеолитические индустрии закрепляются в рамках поведенческой стратегии не ранее 30 тыс. л. н., при этом имеются достаточно аргументированные данные о том, что Австралия была заселена анатомически современными людьми около 60 тыс. л. н. [Brumm, Moore, 2005. P. 169].

На территории Евразии, начиная с периода 40–50 тыс. л. н., различные компоненты «списка черт» проявляются разрозненно и связываются как с культурами неандертальцев, так и с популяциями человека современного физического типа (см.: [Mithen, 1996; Rethinking..., 2007; Habgood, Franklin, 2008. P. 214; Mellars, 2010] и др.). Материалы индустрии Шательперрон в Европе показывают самостоятельность символической деятельности неандертальцев и особенности технологии расщепления камня, основанной на принципах призматического расщепления [D'Errico et al., 1998. P. 12; D'Errico, 2003. P. 195]. Здесь также следует упомянуть последние находки, сделанные Дж. Зильхао на памятниках Куэва Антон и Куэва де Лос Авионес, ассоциируемых с культурой неандертальцев. Найдены нателные украшения, сделанные из просверленных раковин двустворчатых моллюсков, окрашенные охрой, а также красящие пигменты различного цвета, ряд не просверленных раковин моллюсков. Памятники датируются радиоуглеродным методом около 50 тыс. л. н., что подтверждает самостоятельный характер символической деятельности неандертальцев [Zilhao et al., 2009]. В свете перечисленных фактов обра-

щает на себя внимание то обстоятельство, что изменение в поведенческих стратегиях гоминид не связано напрямую с временем появления человека современного физического типа. Необходимые когнитивные способности могли быть сформированы до его появления.

С учетом перечисленных выше данных напрашивается вывод о том, что для предложенного П. Мелларсом подхода можно внести корректировки: переход к современному поведенческому комплексу, вероятно, не был связан напрямую с людьми современного физического типа и их когнитивными особенностями, этот переход происходил не одновременно, не однонаправленно, а в специфических региональных условиях. Поэтому в современных исследованиях, затрагивающих данную проблематику, большое внимание уделяется таким факторам, как климатические изменения, демография и популяционное давление (см.: [D'Errico, 2003. P. 190–191; Henshilwood, Marean, 2003. P. 632–633; Sorensen, 2011. P. 25; Деревянко, 2011] и др.). Исходя из таких подходов многие современные исследователи объясняют факт увеличения роли символической деятельности в жизни людей верхнего палеолита не появлением особых когнитивных способностей и грамматического языка *Homo sapiens sapiens*, а предположением о том, что увеличение роли символического поведения в верхнем палеолите было вызвано ростом численности групп, климатическими изменениями и межпопуляционной конкуренцией. Эти факторы требовали организации человеческих коллективов через средства символической деятельности, появлялась необходимость в хранении и передаче информации от поколения к поколению [D'Errico, Vanhaeren et al., 2009b]. Таким образом, символическая деятельность рассматривается как часть адаптивной стратегии. Стоит добавить, что ряд последних исследований показывает: предметы, свидетельствующие о наличии символической активности, встречаются также в среднем и нижнем палеолите [Шер и др., 2004; Беднарик, 2004], но при этом они не столь распространены и, вероятно, играют не столь значительную роль, как в эпоху перехода к верхнему палеолиту.

Несмотря на дискуссионность ситуации в наполнении термина «комплекс современного поведения» на основе заранее заданно-

го списка черт, выделение признаков символической деятельности с учетом региональной специфики является актуальным [Mellars, 2005. P. 14; Bar-Yosef, 2002. P. 365–366; Clark, 2009]. К таким признакам устойчиво относят предметы персональной орнаментации и нательные украшения, красящие пигменты, предметы с гравировкой и насечками, предметы музыкальной деятельности, скульптуру, намеренные погребения (животных и людей), иные явные проявления ритуальных практик.

Ранние признаки символического поведения, выраженные через систему персональной орнаментации или «нательных украшений» в виде просверленных раковин моллюсков или зубов животных, являются достаточно распространенными в среднем палеолите Африки и на Ближнем Востоке – на памятниках Тафоральт, Рафас, Ифри Н'Аммар, Кафзех, Бломбос, Сибуду, которые были подробно исследованы Ф. Д'Эррико с точки зрения трасологии находок, их археологического контекста и тафономии. Все материалы относятся к временному интервалу от 135 тыс. до 60 тыс. л. н., и большая часть раковин, найденных на памятниках, намеренно просверлена и, вероятно, использовалась в качестве украшений. Предметы могли быть маркером того или иного статуса, нести иную информационную нагрузку, выразить самоидентификацию группы или обозначать иные символические аспекты жизни архаических обществ [D'Errico, Henshilwood et al., 2005. P. 13–18; D'Errico et al., 2008. P. 2679; D'Errico, Vanhaeren et al., 2009a]. Здесь также следует отметить, что предметы, найденные на территории Европы, относимые ко времени ранее начала верхнего палеолита, редки или вызывают сомнения в такой принадлежности.

Гравировка как вид декорирования отмечается в археологических материалах нижнего и среднего палеолита на таких памятниках, как Бильцингслебен, Олдислебен, Вондервок, Бачо Киро, Пех Де Лязе, Бломбос и др. [Беднарик, 2004; Шер и др., 2004; D'Errico, Vanhaeren et al., 2009b]. Однако символический характер многих находок вызывает сомнения, особенно относимых к нижнему палеолиту. Нам представляется, что для описания предметов символической деятельности более уместно употребление термина «орнаментация», подчеркивающего осмысленную определенную, повторяю-

щуюся организацию простого элемента (линии, насечки, нарезки, выемки). В качестве находок, не вызывающих сомнения, можно привести ряды насечек, представляющих абстрактный рисунок на куске охры и костяных изделиях из Бломбоса (Южная Африка). Они обнаружены вместе с костяной индустрией и бусинами из раковин моллюсков. Орнамент на куске охры был получен в ходе нанесения на него каменным орудием двух серий параллельных и перекрестных насечек [D'Errico et al., 2003. P. 4]. Здесь же необходимо отметить последние исследования под руководством П. Ж. Тиксиера. Сенсационные результаты раскопок в пещере Дипклоф (Южная Африка) представили находки древнейших орнаментированных изделий с параллельными и скрещенными линиями, вырезанными на скорлупе яиц страуса. Последние использовались как емкости для воды. Всего найдено 270 фрагментов от 25 яиц. Находки происходят из слоев, датированных около 60 тыс. л. н., и ассоциируются авторами раскопок с деятельностью человека современного физического типа [Texier et al., 2010]. Подобные находки известны и в более ранних комплексах пещеры Бломбос в Южной Африке, датируемых около 75 тыс. л. н., что позволяет ставить вопрос о более раннем возрасте графической традиции, чем предполагалось ранее.

Выделение красящего вещества в качестве компонента знаковой деятельности обсуждается уже относительно материалов ашельского возраста. Применение пигмента восходит к эпохе 800 тыс. л. н. и считается вполне обычным явлением в культурных слоях с возрастом около 200–150 тыс. л. н. на трех основных континентах [D'Errico, Vanhaeren et al., 2009b; Беднарик, 2004]. Для того чтобы уверенно говорить о символическом значении охры в отношении нижнепалеолитических памятников, требуется проведение исследований, показывающих целенаправленный и регулярный характер отбора, принесения и использования пигмента, в том числе и в жидком виде. Однако можно констатировать, что на стадии среднего палеолита – начала верхнего палеолита использование красящих веществ носило повсеместный характер. Пигмент мог использоваться как личностный маркер или как способ передачи определенной информации [D'Errico, Vanhaeren et al., 2009b].

В качестве исключительных находок, относящихся к протоскульптурам, датированных ранее верхнего палеолита, можно отметить фигурки из Берехат Рам (Израиль) и Тан-Тан (Марокко). Скульптура из Берехат Рам имеет возраст не менее 200 тыс. лет [Marshack, 1997; Goren-Inbar, Peltz, 1995]. Долгое время она считалась единственным в своем роде, исключительным явлением, пока в нескольких километрах от г. Тан-Тан не была найдена другая. Обе фигурки представляют собой небольшие гальки, которые по своей форме напоминают антропоморфное тело. Они, очевидно, были подобраны и использованы в ашельское время, обе намеренно модифицированы «горизонтальными» желобками. Общеизвестными древнейшими зоо- и антропоморфными скульптурными изображениями в Европе считаются известные находки из местонахождений раннеориньякских комплексов в Германии (Холле-Фельс, Гессенклёстер и др.) с датировками 34–38 тыс. л. н.

Музыкальная деятельность является одной из важных составляющих знакового поведения, характеризующего, как нам представляется, комплекс культуры и поведения человека современного физического типа. Несмотря на то что дискуссия о неандертальской флейте из Дивья Бабе еще не закончена, довольно большая серия костяных флейт и свистков из раннеориньякских комплексов Европы (Бельгии, Франции, Германии и Австрии), указывая на существование устойчивых музыкальных традиций на рубеже 40 тыс. л. н. В общей сложности количество находок в Евразии, интерпретируемых как музыкальные инструменты, в первую очередь флейты и свистки, ударные инструменты, трещотки, идиофоны и т. п., составляет более 230 ед. [Morley, 2003].

Все перечисленные типы находок в Европе указывают на существование признаков символического поведения задолго до начала перехода от среднего к верхнему палеолиту. Большинство форм символической деятельности, широко встречающихся в верхнем палеолите, эпизодически появляются начиная с нижнего палеолита.

Культурные зоны как западной, так и северной части Евразийского материка демонстрируют неоднозначность сценариев перехода от среднего к верхнему палеолиту и сложность формирования и развития куль-

тур человека современного физического типа, по данным археологии палеолита. Мозаичные варианты археологических культур Сибири, специфика сценариев становления культур *Homo sapiens sapiens*, различные природно-климатические условия предопределили специфику формирования локальных культур древнего населения, форм и видов знакового поведения [Деревянко, 2009]. неотъемлемой частью анализа возникновения комплекса современного поведения в начале верхнего палеолита является изучение технологических изменений. Появление стандартизированной пластинчатой и мелкопластинчатой технологий, специфических форм охотничьего инвентаря и специализированных орудий для обработки шкур животных, костяных орудий считается одним из основных критериев культурного развития человека современного типа. Нам представляется, что выработка специальных вспомогательных способов хранения и передачи культурной информации древним человеком является важным элементом в распространении поведенческого комплекса. Несомненно, выявление полицентрического и моноцентрического возникновения набора данных признаков в пределах Сибири, соотнесение особенностей ансамблей литотехнологии и характера знаковой деятельности в пределах конкретных памятников и / или регионов составляет актуальную научную проблему [Деревянко, 2011. С. 190–244].

В настоящее время накоплена солидная коллекция образцов персональной орнаментации, скульптуры, орнаментированных изделий, хранящаяся в различных научных центрах Сибири, которая требует осмысления, классификации, формализации и тщательного исследования, в том числе с помощью трасологического и функционального анализа. Имеется ряд положительных результатов, полученных в последнее время в этом направлении (см.: [Деревянко и др., 2008; Лбова, Волков, 2010] и др.). Основные выделенные признаки знакового поведения (и как комплекса, и как отдельных его элементов) в археологических коллекциях и культурных горизонтах ранней стадии верхнего палеолита Сибири выявлены на ряде хорошо изученных стратифицированных археологических местонахождений Саяно-Алтайской горной страны. В целом представленные материалы находятся в рамках параметров описанных форм символическо-

го поведения, выявленных и изученных на других территориях.

Сибирскими исследователями получена представительная серия предметов, свидетельствующих о существовании символической, знаковой деятельности на ранних этапах формирования культуры. Обозначенные комплексы в технологическом отношении устойчиво ассоциируются с пластинчатыми индустриями начального этапа верхнего палеолита. В настоящее время коллекцию изделий составляет более 150 предметов из кости, скорлупы, камня, раковин, бивня. Артефакты обнаружены при раскопках стратифицированных комплексов Монголии (раскопки С. А. Гладышева, Ж. Жобера), Забайкалья (раскопки М. В. Константинова, Л. В. Лбовой, В. И. Ташака), Приангарья (раскопки Г. И. Медведева, Н. И. Дроздова и др.), Алтая (раскопки А. П. Деревянко, В. Т. Петрина, М. В. Шунькова, А. Н. Зенина и др.). Большая часть материалов не опубликована, что значительно затрудняет дальнейшие работы по классификации, интерпретации и поиску аналогий. Названные комплексы датированы в пределах от 28–30 до 40–50 тыс. л. н., в технологическом отношении характеризуют начальный этап верхнего палеолита и ассоциируются (за исключением одного случая) с культурой человека современного физического типа [Лбова, 2011. С. 13].

Предварительная классификация позволяет разделить всю коллекцию изделий по функциональному признаку на три группы: украшения со сверлением (бусины, подвески, браслеты, диадемы), предметы неизвестного назначения (простых и сложных форм, орнаментированные и неорнаментированные) и скульптура. По технико-морфологическим характеристикам можно выделить:

- простые плоские формы (круглые или квадратные бусины или их заготовки из бивня, скорлупы яиц страуса, камня, дентина, моллюсков);
- простые объемные формы (сверленные небольшие гальки талька, стеатита; сверленные зубы и кости, в том числе трубчатые);
- сложные (фигурные) плоские изделия, неорнаментированные и орнаментированные (из камня, кости);
- сложные объемные изделия, неорнаментированные и орнаментированные (из камня, кости, бивня).

Изобразительные символы могли выступать как средство социальной коммуникации, имеющие адаптивное значение и играющие определенную роль в жизнеобеспечении и структуре верхнепалеолитических сообществ. В дальнейшем, с развитием видов знакового творчества, вероятно, происходило и изменение основной функции предметов; традиционные формы могли утрачивать первичное значение и становились элементами иной культурной (знаковой) системы. В любом случае необходимость выработки специальных вспомогательных способов хранения и передачи культурной информации древним человеком является основным элементом в распространении поведенческого комплекса.

Орнаментация изделий начальной стадии верхнего палеолита – явление довольно редкое. Декор встречается в комплексах Хотык, уровень 2, Переселенческий пункт-1 (Герасимова), Малая Сья [Лбова, Волков, 2010; Лбова, 2011; Холюшкин, 2009]. В этих случаях зафиксирован довольно простой вариант орнамента – регулярные насечки, радиально оформляющие тело или элементы изделия (плоские и объемные варианты). Выявленные элементы орнамента на нательных украшениях раннего верхнего палеолита Сибири находят аналогии с элементами хронологически близких изделий из белемнита в Костенках-14 и 17 на Русской равнине, находками из Миток Малул Галбен в Румынии. Обнаружение орнаментированных изделий столь древнего возраста на территории Северной Евразии – само по себе достаточно большая редкость для сибирского палеолита. Элементы декора и морфология изделий предполагают и особый интерес ко всему культурному комплексу этих памятников.

Рассматривая орнамент как особый вид искусства, можно предположить, что он является более четким и часто встречаемым способом выразить абстракции на предметах в период классической стадии верхнего палеолита. Искусствоведы считают, что изобразительные элементы, играющие декоративную роль, геометрические знаки, орнамент, выражающие чувство ритма, симметрии, имеют связь с проявлениями ритма и симметрии в природе, с положительной реакцией человека на правильную форму.

В сибирских материалах скульптурные формы довольно редки, и их датировка крайне проблематична. В настоящее время известны несколько предметов. Это уникальная находка изображения мамонта с характерной художественной трактовкой тела животного – «громоздкого и неуклюжего существа», в нижнем культурном горизонте Усть-Ковы с датами от 20 до 32 тыс. л. н. [Васильевский, Дроздов, 1983]. На поселении Толбага в Западном Забайкалье, в слое с датами 35–25 тыс. л. н., обнаружена скульптура головы медведя, выполненная на отростке шейного позвонка шерстистого носорога [Константинов, 1994. С. 50]. Особый интерес представляют объемные изображения из камня со следами краски на поверхности из комплекса местонахождения Малая Сыя в Хакасии. По мнению В. Е. Ларичева, изделия представляют собой изображения черепахи, черепах-мамонта и другие синкретичные образы [1978]. В поздних сибирских и дальневосточных комплексах классической стадии и финального палеолита скульптуры из бивня, камня, кости, глины составляют довольно солидный ряд антропо-, зоо-, орнито-, ихтиоморфных изображений (материалы памятников Мальта, Буреть, Усть-Кова, Новая Сыда, Майна, Мухор-Тала, Устиновка-1 и др.).

Выделение красящего вещества в качестве компонента знаковой деятельности, как уже упоминалось, обсуждается применительно к памятникам ашельского времени. Следы пигмента и артефакты со следами использования (шарики охры, «мелки» из гематита, кусочки минерала со следами истертости, следы охры на предметах и т. п.) отмечены во многих культурных слоях, определенных стадией раннего верхнего палеолита Сибири и Монголии (Кара-Бом, Малояломанская пещера, Подзвонкая, Каменка, Хотык, Варварина Гора, Толбор-15 и др.) [Деревянко, Рыбин, 2003].

Как отмечалось выше, музыкальная деятельность является одной из важных составляющих знакового поведения, характеризующего комплекс культуры и поведения человека современного физического типа. В археологических коллекциях, датированных ранним этапом верхнего палеолита на территории Сибири, находки таких инструментов являются уникальными.

При раскопках многослойного комплекса Хотык в Западном Забайкалье (3-й уровень, возраст комплекса 30–38 тыс. л. н.) нами был обнаружен фрагмент изделия, интерпретируемого как свистковая флейта, находящего аналогии в коллекции европейских раннеориньякских музыкальных инструментов [Лбова и др., 2010]. В других забайкальских опорных местонахождениях – Каменка-А и Подзвонкая (35–45 тыс. л. н.), были обнаружены находки, квалифицируемые как свистки и их фрагменты [Лбова, 2000; Ташак, 2009].

Парциальные погребения животных и иные свидетельства ритуальной деятельности человека на ранней стадии верхнего палеолита – явление довольно распространенное и хорошо представленное в материалах европейских памятников. Для сибирской территории это тема новая, предполагающая детальную ревизию планиграфических ситуаций раскопанных комплексов, что является довольно сложной задачей. Анализ планиграфической ситуации, зафиксированной нами в культурном горизонте 3 многослойного поселения Хотык в Западном Забайкалье, показывает, что раскопом была вскрыта уникальная ситуация древнего обряда [Лбова, 2000. С. 107; 2009]. В центральной зоне раскопа обнаружено скопление костей, в котором четко определялись конечности лошади, установленные вертикально копытами вниз, и позвоночный столб, на который был уложен череп лошади. Скопление сопровождалось пятнами черного, белого, розового, зеленого, желтого цветов, большим количеством гематитовой слюдки, обычной слюды и осколков дымчатого кварца. Среди предметов, обнаруженных в скоплении, выделены целые и сломанные остроконечники, скребла, нуклеусы, предметы персональной орнаментации (подвески, бусины, кольца из камня). Особый интерес вызывают концентрации экзотического сырья – кварца (раух-топаз, горный хрусталь), а также красной, желтой и зеленой высококачественной яшмы. В 2 м восточнее от этой зоны раскопом была выявлена иная оригинальная ситуация, которая может быть обозначена как «парциальное погребение». В центральной зоне раскопа обнаружено намеренное захоронение в кладке из небольших плит конечности носорога с засыпкой охрой, сопровождающееся изделиями из цветной яшмы, кварца, кости

и бусинами. Бедренная и берцовые кости изначально были уложены на довольно большую горизонтальную плиту и впоследствии обложены небольшими плитками по окружности. Рядом, в 0,5 м восточнее, обнаружена лопатка бизона с вырезанными «женскими знаками». Эти два скопления разделяет плита гнейса, обмазанная с обеих сторон порошком гематитовой слюдки.

Определенные ритуальные действия были зафиксированы при раскопках поселения Подзвонкая в Забайкалье (возраст слоев более 35 тыс. л. н.) и позволили автору раскопок высказать предположение о ритуале «захоронения очага после прекращения его функционирования» [Ташак, 2003; Деревянко, 2011. С. 225–226].

Интерпретационные построения выявленных планиграфических сюжетов, на наш взгляд, предварительно могут укладываться в рамках ранней обрядовой практики на уровне реконструкции обрядов продуцирующего или посвяtitельного цикла. Практически все известные в этнографии продуцирующие обряды имеют компоненты использования красной краски, или крови, посещение особых сакральных мест, имитацию животных или растений (использование костей, фигур, рисунков, символов и т. п.), приношения охотничьих трофеев, в том числе и орудий. Продуцирующие обряды и культы по своему характеру признаны наиболее архаичными и направленными на природу – источник и основу существования человека. Предполагается, что такие действия представляют собой единый первообряд, реконструируемый на уровне гипотезы для объектов палеолитического возраста.

Зарубежные современные исследования палеолитического мобильного искусства стремятся выявить исходный материал (фрагменты кости или рога, короткие или длинные плоские кости, раковины, различные формы каменных галек, орудия или оружие и т. д.), который сыграл определяющую роль в выборе темы и композиции, а также методы или способы изготовления такого изделия. Достаточно широкое понимание термина «искусство» вносит определенные проблемы и в хронологию, и в иные дефиниции. В частности, это касается раннего этапа становления знаковой деятельности и «начала» мобильного искусства. В Европе, например, такая хронология

существует давно, дискуссии или изменения в которой происходят относительно каких-либо принципиальных исторических периодов (например, начальной стадии верхнего палеолита и характеристик поведенческой стратегии человека современного физического типа). Последние открытия в Африке дают очень древние даты возникновения скульптуры и графических традиций, но означает ли это время зарождения искусства или будет предложен иной термин, адекватно отражающий наши представления о формах знакового поведения?

Сбор и анализ новых данных, определенные дефиниции поставят под сомнение различные ассоциации, связанные с мобильным искусством и расширят наши знания о доисторических обществах. Предполагается, что предметы портативного, мобильного искусства (изобразительной деятельности) могут стать одной из самых информативных категорий артефактов для социально-исторических реконструкций. Это в равной степени касается идентификации культурных групп и сетей обмена (объекты, методы, идеи, концепции) и может оказаться уникальным инструментом для создания точной общей хронологии и периодизации.

Сибирские материалы начальной стадии верхнего палеолита вполне корректно выглядят в стадияльном и территориальном контекстах. В целом, артефакты демонстрируют наличие развитого в технологическом и типологическом отношениях древнейшего в Евразии комплекса предметов с устоявшейся системой изготовления и обработки, выраженного в стилистически выдержанных сериях изделий. Комплекс персональной ornamentации (нательные украшения), включающий сверленные клыки, когти, кости животных, изделия из камня (подвески, бусины, кольца), антропо- или зооморфные изображения, широкое использование пигмента, примитивные музыкальные инструменты (свистки, свистковые флейты), парциальные погребения животных, свидетельства особого отношения к огню характеризуют довольно ранний этап становления знаковой культуры (символического поведения) человека современного физического типа практически одновременно (или даже чуть раньше) с процессами, происходившими на территории Европы.

Современное состояние изученности древнейших форм символизма в целом по-

зволяет направить усилия на поиск и формирование новых моделей интерпретации и изучения ранних форм искусства на основе знакомства с новыми фактами, на определение дефиниций, подробное изучение тафономии и хронологии, региональное распределение фактов и доказательств присутствия древнейших форм творчества на разных континентах. Выражаем надежду, что комплексные интеграционные исследования археологов, искусствоведов, этнологов, антропологов, биологов, психологов, религиоведов и философов, специалистов естественнонаучного профиля в скором будущем раскроют механизмы появления первых абстракций, их символическое значение и историко-социальный смысл, генетические истоки творчества и его природу, что одновременно позволит совершенствовать и учебные курсы по археологии палеолита в вузе.

Список литературы

- Беднарик Р.* Интерпретация данных о происхождении искусства // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 4 (20). С. 35–47.
- Васильевский Р. С., Дроздов Н. И.* Палеолитические скульптурные изображения из Восточной Сибири // Пластика и рисунки древних культур. Новосибирск: Наука, 1983. С. 59–65.
- Вишняцкий Л. Б.* Информационный взрыв и изобразительная деятельность // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 1 (21). С. 51–54.
- Вишняцкий Л. Б.* Культурная динамика в середине позднего плейстоцена и переход к верхнему палеолиту: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. 37 с.
- Деревянко А. П.* Переход от среднего к верхнему палеолиту и проблема формирования *Homo sapiens sapiens* в Восточной, Центральной и Северной Азии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 328 с.
- Деревянко А. П.* Верхний палеолит в Африке и Евразии и формирование человека современного анатомического типа. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. 560 с.
- Деревянко А. П., Рыбин Е. П.* Древнейшие проявления символической деятельности палеолитического человека на Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 3 (15). С. 27–50.
- Деревянко А. П., Шуньков М. В., Волков П. В.* Палеолитический браслет из Денисовой пещеры // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 2 (34). С. 13–25.
- Константинов М. В.* Каменный век восточной провинции Байкальской Азии. Улан-Удэ; Чита: Изд-во Чит. гос. пед. ин-та, 1994. 179 с.
- Ларичев В. Е.* Скульптура черепахи с поселения Малая Сья и проблема космогонических представлений верхнепалеолитического человека // У истоков творчества. Новосибирск: Наука, 1978. С. 32–69.
- Лбова Л. В.* Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. 240 с.
- Лбова Л. В.* Признаки символического поведения в культурах начальной стадии верхнего палеолита в Забайкалье // С. Н. Бибииков и первобытная археология. СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 2009. С. 229–232.
- Лбова Л. В.* Формы знакового поведения в культурах раннего верхнего палеолита Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3. С. 11–14.
- Лбова Л. В., Волков П. В.* Технология изготовления нательных украшений в эпоху верхнего палеолита (материалы местонахождения Хотык, Западное Забайкалье) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2010. Т. 9, вып. 7: Археология и этнография. С. 57–67.
- Лбова Л. В., Волков П. В., Кожевникова Д. В.* Свидетельства древнейших музыкальных традиций в археологии Сибири (начальная стадия верхнего палеолита) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2010. Т. 9, вып. 5: Археология и этнография. С. 124–131.
- Ташиак В. И.* Очаги палеолитического поселения Подзвонка как источник по изучению духовной культуры древнего населения Забайкалья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 3 (15). С. 70–78.
- Ташиак В. И.* Символизм в начале верхнего палеолита Западного Забайкалья // Записки ИИМК РАН. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. № 4. С. 50–62.
- Холмошкин Ю. П.* Поселение Малая Сья – ранний этап верхнего палеолита Сибири (к проблеме начала становления культур *Homo sapiens* в Северной Азии) // Астроархеология – естественнонаучный инструмент познания протонаук и астральных религий

жречества древних культур Хакасии. Красноярск: Город, 2009. С. 137–145.

Шер Я. А., Вишняцкий Л. Б., Бледнова Н. С. Происхождение знакового поведения. М.: Научный мир, 2004. 279 с.

Bar-Yosef O. The Upper Paleolithic Revolution // *Annual Review of Anthropology*. 2002. Vol. 31. P. 361–393.

Barton C. M., Clark G. A., Cohen A. E. Art as Information Explaining Upper Paleolithic Art in Western Europe // *World Archaeology*. 1994. Vol. 26. No 2. P. 185–207.

Brumm A., Moore M. Symbolic Revolutions and the Australian Archaeological Record // *Cambridge Archeological Journal*. 2005. Vol. 15. P. 157–175.

Clark G. A. Accidents of History: Conceptual Frameworks in Paleoarchaeology // *Sourcebook of Paleolithic Transition. Methods, Theories, and Interpretations*. N. Y., 2009. P. 19–43.

D'Errico F. The Invisible Frontier: A Multiple Species Model for the Origins of Behavioural Modernity // *Evolutionary Anthropology*. 2003. Vol. 12 (4). P. 188–202.

D'Errico F., Henshilwood C., Lawson G. et al. Archaeological Evidence for the Origins of Language, Symbolism and Music: An Alternative Multidisciplinary Perspective // *Journal of World Prehistory*. 2003. No 17. P. 1–70.

D'Errico F., Henshilwood C., Vanhaeren M., Van Niekerk K. Nassarius kraussianus Shell Beads from Blombos Cave: Evidence for Symbolic Behaviour in the Middle Stone Age // *Journal of Human Evolution*. 2005. Vol. 48. P. 3–24.

D'Errico F., Vanhaeren M., Barton N., Bouzouggar J., Mienis H., Richter D., Hublin J. J., McPherron S. P., Lozouet P. Additional Evidence on the Use of Personal Ornaments in the Middle Paleolithic of North Africa // *Proc. of The National Academy of Science of the United States of America*. 2009a. Vol. 106 (38). P. 16051–16056.

D'Errico F., Vanhaeren M., Henshilwood C., Lawson G., Maureille B., Gambier D., Tillier A., Soressi M., van Niekerk K. From the Origin of Language to the Diversification of Languages: What Can Archaeology and Palaeoanthropology Say? // *Becoming Eloquent: Advances in the Emergence of Language, Human Cognition, and Modern Cultures*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2009b. P. 13–68.

D'Errico F., Vanhaeren M., Wadley L. Possible Shell Beads from the Middle Stone Age Layers of Sibudu Cave, South Africa // *Journal of Archaeological Science*. 2008. Vol. 35. P. 2675–2685.

D'Errico F., Zilhao J., Julien M., Baffier D., Pelegrin J. Neanderthal Acculturation in Western Europe? A Critical Review of the Evidence and Its Interpretation // *Current Anthropology*. 1998. Vol. 39. No 1. P. 1–44.

Goren-Inbar N., Peltz S. Additional Remarks on the Berekhat Ram Figure // *Rock Art Research*. 1995. Vol. 12. P. 131–132.

Habgood P. G., Franklin R. F. The Revolution that didn't Arrive: A Review of Pleistocene Sahul // *Journal of Human Evolution*. 2008. Vol. 55. P. 187–222.

Henshilwood C. S., Marean C. W. The Origin of Modern Human Behavior. Critique of the Models and Their Test Implications // *Current Anthropology*. 2003. Vol. 44. No 5. P. 627–651.

Klein R. G. Archeology and the Evolution of Human Behavior // *Evolutionary Anthropology: Issues, News, and Reviews*. 2000. No 9. P. 17–36.

Marshack A. The Berekhat Ram Figurine: A Late Acheulian Carving from the Middle East // *Antiquity*. 1997. Vol. 71. No 272. P. 327–337.

Mellars P. The Impossible Coincidence a Single – Species Model for the Origins on Modern Human Behavior in Europe // *Evolutionary Anthropology*. 2005. No 14. P. 12–27.

Mellars P. Neanderthal Symbolism and Ornament Manufacture: The Bursting of a Bubble? // *Proc. of National Academy of Science of United States of America*. 2010. Vol. 107. No 47. P. 20147–20148.

McBrearty S., Brooks A. S. The Revolution that Wasn't: A New Interpretation of the origin of modern human behavior // *Journal of Human Evolution*. 2000. Vol. 39. P. 453–563.

Mithen S. *The Prehistory of the Mind*. L.: Thames and Hudson, 1996. 357 p.

Morley I. *The Evolutionary Origins and Archaeology of Music* // *Darwin College Research Report DCRR 002*, Cambridge University. Cambridge, 2003. 240 p.

Rethinking the human revolution / Eds. P. Mellars, K. Boyle, O. Bar-Yosef, C. Stringer (Chris). Cambridge, 2007. 436 p.

Sorensen B. Demography and the Extinction of the European Neanderthals // *Journal of Anthropological Archaeology*. 2011. Vol. 30. P. 17–29.

Texier P. J., Porraz G., Parkington J., Rigaud J. P., Poggenpoel C., Miller C., Tribolo C., Cartwright C., Coudenneau A., Klein R., Steele T., Verna C. A. Howiesons Poort Tradition of Engraving Ostrich Eggshell Containers Dated to 60,000 Years Ago at Diepkloof Rock Shelter, South Africa // Proc. of National Academy of Science USA. 2010. Vol. 107 (17). P. 7621–7622.

Zilhao J., Angelucci D. E., Badal-Garcia E., D'Errico F., Daniel F., Dayet L., Douka K.,

Higham T. F. G., Martinez-Sanchez M. J., Montes-Bernardez R., Murcia-Mascaros S., Perez-Sirvent C., Roldan-Garcia C., Vanhaeren M., Villaverde V., Wood R., Zapata J. Symbolic Use of Marine Shells and Mineral Pigments by Iberian Neanderthals // Proc. of National Academy of Sciences. 2009. Vol. 107 (3). P. 1023–1028.

Материал поступил в редколлегию 03.03.2012

L. V. Lbova, S. Yu. Khudzik

**FORMS OF SYMBOLIC ACTIVITY IN CULTURES OF EARLY UPPER PALEOLITHIC SIBERIA
TO THE DISCUSSION OF THE COMPLEX MODERN HUMAN BEHAVIOR
(MATERIALS FOR EDUCATION COURSE)**

Problem of the origin and nature of the complex Modern Human Behavior is one of the most important debated topics in human evolutionary studies in our time. This paper contains material from the complex of archaeological sites of the initial stage of the Upper Paleolithic of Siberia, showing various forms of symbolic activity. In general, the artifacts demonstrate the presence of technologically advanced and typological relations of the oldest complex subjects with an established system of manufacturing and processing, expressed in a series of stylistically matured products. Siberian materials appear correctly in the staidly and territorial context, and in the contemporary debate about the complex behavior suggest its formation in North Asia, at least in Europe.

Keywords: Siberia, upper paleolithic, a man of modern physical type, symbolic activity, culture, behavioral complex.